

УДК 811.511.21: 94 (571. 16) «15/16»

Л.А. Чиндина

### ПЕГАЯ ОРДА – БОЛЬШОГО ЛОСЯ СИЛЬНЫЙ НАРОД\*

*Рассматривается этимология названия «Пегая Орда», известного по русским документам XVI в. Имя принадлежит одному из крупных военно-политических объединений селькупов периода колонизации Сибири во главе с предводителем Воней. Дан историографический анализ проблемы, показаны слабая обоснованность и методологическая несостоятельность подходов. Согласно историко-культурной и этнолингвистической специфике селькупов, предложен новый вариант значения и перевода – «Большого Лося сильный народ» или «Священного Лося богатыри».*

*Ключевые слова: Среднее Приобье, Пегая Орда, ономастика, этнонимика, мифология, традиции.*

Прошло уже свыше 400 лет, как русские письменные источники периода колонизации Среднего Приобья (начиная с 1592, 1594 гг.) сообщали о Пегой Орде как об одном из самых сильных, но непокорных объединений сибирских среднеобских народов (селькупов) во главе с предводителем Воней, не пожелавшим принять русское подданство и платить ясак [1. С. 129–132; 2, 3, 4, 5. С. 95–107]. Однако, как показало долгое время, наполненное научными поисками и открытиями, исследование этого исторического явления необходимо продолжать, начиная с загадочно-интригующего имени «Пегая Орда».

В любом языке ононимы являются ориентировочным знаком, обозначающим какую-то особенность называемого объекта, продиктованную культурными традициями, пространственной и временной спецификой (политическое, социальное, психологическое отражение действительности, стремление к исключительности, оригинальности, подражанию, указание родственных связей, мощи, достоинства или, наоборот, уничижительности и т.д.). Историческая топонимика, антропонимика и этнонимика значительно помогают в реконструкции этнокультурных контактов, этнотерриториальных границ, миграций, соотношения традиционного и инновационного в культуре этносов. Поэтому комплексный историко-культурный анализ ономастических данных, безусловно, необходим. Историческая мысль практически сразу обратила внимание на Пегую Орду, что отразилось в первых летописных сводах, письменных свидетельствах любознательных путешественников и деловых людей, картах. Несколькими словами из предыстории.

На ранних этапах русская администрация значительную часть населения края называла остяками, на столетия внеся путаницу в сибирскую этнонимистику. Однако Пегая Орда рассматривалась соседями и пришельцами как особая общность, не только из-за своего политического противостояния кодским остякам (хантам), московским властям, время от времени многочисленным татарским группировкам и самоеди. Инаковость заключалась, прежде всего, в языке людей, населявших в то время большую часть Среднего Приобья. Одна из ранних сибирских летописей 20-х гг. XVII в. (Толстовский список), повествующая о победе над царём Кучумом и взятии Сибирского царства, перечисляя ононимистику региона (названия рек, гор, родков, языков), сообщает: «По Обе – языцы остяцкой, Пегой Орды» (в подлиннике – через запятую, в переводе «Сибирских летописей» знак почему-то отсутствует, что, несомненно, меняет смысл фразы. – Л.Ч.). Судя по дальнейшей локализации, остяки жили на земле Коды и Сургута. Пегая Орда занимала земли Нарымского острога, «звашася по языку Пегия Орды», а «между великими реками Обь и Енисей течёт река Таз, исходящая из Пегия Орды... на той реке и всей поморе – язык самоецкой» [6. С. 48]. Румянцевская летопись середины XVII в. уже более чётко перечисляет народы (языцы), живущие по рекам Западной Сибири: «Тотаровя, колмаки, мунгалы, Пегая орда, остяки, самоеды и прочие языцы». Говоря о языческой вере, летопись сообщает: «Пегая же орда, и остяки, и самоеды об языческой вере» [6. С. 8, 10]. То есть конкретно речь идёт о шести разноязычных народах. Пояснения значения столь странного наименования народа в деловых доку-

\* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-01-00256/1а

ментах нет, что по тем временам естественно. Для обеспечения взаимопонимания русской администрации было достаточно знать общепризнанное самоназвание конкретного народа, территории, чтобы выполнять свои функции, вести делопроизводство.

Г.-Ф. Миллер, давший отечественной исторической науке первый сводный труд по истории Сибири – «Описание Сибирского царства», переживший несколько переизданий (1787, 1937, 1941, 1998, 2000, 2005), уделил особое внимание Пегой Орде. Анализируя царский наказ воеводе Елецкому от 1594 г. о необходимости строительства г. Тары, он подчеркнул: *«Примечания достойно, что прибавляется о некотором народе называемом Пегая орда (будто бы оне телом пегу), который с самого начала Сибирского взятия всегда был в великой славе; а никто никогда доказать не мог, что оной действительно где находится»* [7. С. 222–223].

В этом коротком параграфе сосредоточились три основных взаимосвязанных блока проблем, как стоявших перед прославленным историком, так актуальных и сегодня: 1) территория и границы, динамика развития объединения, 2) его социальная, культурная, этническая основа и этнокультурные контакты, 3) кем и когда было дано имя объединению, на чём языке, смысл самого названия. В статье даётся анализ проблем третьего блока, при необходимости затрагиваются и некоторые известные и неизвестные сюжеты первых двух.

К сожалению, Г.-Ф. Миллеру не удалось составить полного представления о шестилетней истории борьбы Российского государства с Пегой Ордой, так как по периоду 1592–1598 гг. он располагал только косвенными источниками [7. С. 249]. Подлинные документы, свидетельствующие о мирных и силовых методах воздействия Московского правительства на Пегую Орду, о строительстве города Сургута как форпоста для наступления на непокорные объединения, прежде всего Пегую Орду, её полного подчинения русскому царю, о действиях непреклонного Вони (отказ платить ясак и принять российское подданство, сговор с ханом Кучумом, угроза нападения на г. Сургут), хранившиеся в Сургутском архиве, сгорели. У историка не оказалось доступа и к центральному приказному делопроизводству (подробнее об этом в: 1. С. 114, 115)]. Только в конце XIX в. благодаря исследованиям П.Н. Буцинского [2] и Н.Н. Оглоблина [8] стало известно содержание основных документов по истории противостояния и поражения Пегой Орды: Наказ царя Фёдора Ивановича от 19 февраля 1594 г. о строитель-

стве г. Сургута, Грамота от 31 августа 1596 г. об организации похода на Пегую Орду [9. Л. 7об. – 23об.], Наказ 31 января 1597 г. с напоминанием о необходимости похода на Пегую Орду [9. Л. 34 – 45об.]. Хранившиеся в Москве копии этих документов в настоящее время опубликованы [1. С. 129–132, 135–145]. Дальнейшая история Пегой Орды рассматривалась Г.-Ф. Миллером уже как инородческая волость, в ведомстве города Нарыма под предводительством князька Кичея (грамота 1602 г.), затем Тайбохты Вонина (грамота 1610 г.) [по: 7. С. 260–263]. С этого времени историк называет народ нарымскими остяками, но считает его особенным, делая важное научное заключение: «Следует только обратить внимание на их язык, и тогда станет ясно, что они ... совершенно отличаются от сургутских, тобольских, берёзовских остяков, наоборот, имеют большое сходство с самоедами» [10. С. 188]. О происхождении термина «Пегая Орда» учёный снова повторяет, что «будто в околных местах г. Нарыма живут люди пегие» [7. С. 260]. Через 100 лет не менее знаменитый лингвист М.А. Кастрен доказал самодийскую суть языка и назвал их остяко-самоедами, дал свою версию территории и границ расселения выявленных им четырёх среднеобских самодийских диалектных групп: шёш-ком, сюси-чом, чумель-чу, тую-чом [11, 12], известных в современной огласовке как шёш-куп, сюсю-кум (таёжные, лесные люди), чумуль-куп, тую-куп (земляные люди).

Работы П.Н. Буцинского, Н.Н. Оглоблина, А.М. Кастрена обеспечили базу для новых этнокультурных исследований истории Сибири в XX в. представителями разных наук: антропологами, археологами, историками, лингвистами, этнологами, краеведами. Несмотря на различие точек зрения, дискуссии по вышеозначенным проблемам, научная общественность во избежание дальнейшей путаницы к 1930-м гг. достигла единодушия по вопросу переименования среднеобских и тазовско-туруханских остяко-самоедов в селькупов. Термин заимствован из самоназвания локально-диалектной тазовской группы (сельгула, селькуп – лесные люди), населявшей в XVI – начале XVII в. Васюганско-Ваховское Приобье до массовой миграции сюда хантов, и употребляется как этноним особого народа самодийской ветви урало-сибирской этноязыковой семьи. Пегая Орда стала рассматриваться как специфическое образование селькупов Среднего Приобья. Его статусная трактовка имеет несколько вариантов: а) селькупское княжество [3; 13], б) племенной союз [4, 14], в) военно-территориальный союз с потестарными функциями [15], г) военно-политическое объедине-

ние [16, 17, 18], д) этно-территориальное объединение разных локально-территориальных групп селькупов [19]. Исследователи продолжают спорить по вопросам территории, границ и хронологии существования объединения, этнического взаимодействия. Исходя из задач данного очерка, отошлём читателя к работам вышеназванных авторов, особенно Г.И. Пелих [15], которая целенаправленно, подробно и многопланово рассматривала историю исследований и проблемы изучения Пегой Орды. В последние десятилетия исследователи существенно дополнили, уточнили, в ряде случаев, изменили взгляд на решение некоторых проблем, в том числе на историю расселения селькупов и межэтнических контактов [5, 16, 17, 18, 19, 20].

К содержанию имени «Пегая Орда» учёные обращались редко и, как правило, в рамках миллеровской гипотезы. Отметим, что сам историк словом «будто» подчеркнул собственную неуверенность в точности и внятности предложенной им гипотезы. Однако позднее в исторической литературе это нота сомнения была исключена из исследовательского анализа, а «цветовое» определение в русском значении – «пегие» использовалось уже как самодостаточный «факт». Одновременно появляется прилагательное «пёстрый» как синоним<sup>1</sup>. В настоящее время известно несколько версий-ответов на вопрос: «Почему люди пегии»?

В 1901 г. А.Ф. Плотников, описывая инородцев Нарымского края «первых времён покорения Сибири», полагал, что «Пегой (или пёстрой) ордой назывались они потому, что носили пёструю или пегую одежду» [22. С. 28]. Позднее Е.Д. Прокофьева попыталась объяснить название «пегий», не подвергая лексему этноязыковому анализу. Она также поддержала идею ношения селькупам пёстрых одеяний, но как этнограф уточнила: они шили одежду из «сборного меха», подбирая по контрасту разноцветные куски мягких шкурок мелких зверей и птиц [13. С. 667]. Пегую Орду она считала княжеством нарымских селькупов, которое возглавлял Воня [13. С. 667]. По поводу данной трактовки есть серьёзные сомнения. Следует отметить, что пёстрая меховая одежда селькупов носилась мехом внутрь, а снаружи покрывалась рыбьей кожей или тканью, и уже поэтому не могла служить основой для названия [23. С. 83; 24. С. 189–190]. К тому же русские к 1594 г. вряд ли чётко и обобщенно представляли внешний вид

населения, тем более что изначально борьба с Воней велась руками кодских хантов.

Следующий шаг был сделан Г.И. Пелих, которая также восприняла «цветовое» определение Г.-Ф. Миллера, но объясняла название с позиций представления селькупов о мироздании: верхний, небо – белый, нижний, подземный – чёрный, средний мир людей и животных – пёстрый, пегий, отсюда и название народа – Пегая Орда [15. С. 161–163]. Однако, как показывают современные исследования, многоцветная символика среднего мира присуща не только селькупам. Соседние ханты также видят земной мир разным. Цветовая гамма идентична селькупской: использовались полутона высшего и нижнего миров (светлый или тёмный) с преобладанием красного цвета и как исключение зелёного, желтого, синего [25. С. 234–240]. Та же картина наблюдается в археологических источниках XVII в., например, в погребальной обрядности могильника Мигалка детали костюма подчёркнутой сакральности (пояс, повязка-очелье) имели красную основу. Г.И. Пелих считала сам термин русской огласовкой соответствующего селькупского выражения. Но она вслед за предшественниками повторила методологическую ошибку, нарушив одно из важнейших правил этимологии: поиск значения слова необходимо начинать с языка носителей культуры. В данном случае речь идёт о языке селькупов, а не русских, воспринявших местный термин и адаптировавших его на свой фонетический лад. Исследовательница пыталась доказать единое значение русского слова «пегий» и селькупского «пегараль», взятого из словаря Ф.Г. Мальцева, который переводил его на русский как «пегий, пёстрый» [26. С. 67]. В других русско-селькупских словарях, составленных уже специалистами-лингвистами, мной отмечена следующая ситуация. Я. Алатало [27. С. 119–120]: *пеккыри* – «пегий, пёстрый»; О.А. Казакевич, А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский [28. С. 43]: *togara* (*тогараль*), *рекурал* (*негораль*) – «пёстрый», а «пегий» – не значится. В остальных словарях «пёстрый» и «пегий» также не значатся, но есть близкое – «цветастый» – *тельмби* у В.В. Быкони [29. С. 70]. По предварительным лингвистическим данным корень слова «пегораль» заимствован, т.е. приведённый Г.И. Пелих пример недостаточен для решения вопроса. Тем более преждевременно и неосторожно утверждать равенство понятий «селькупская Пегая Орда XVI в.» и «бома – алаты – пегие лошади (кони)» из китайских хроник VII–VIII вв. Уже много лет идёт острая дискуссия как о том, что стоит за этими названиями (кличка или этноним), так и о локализации, этнической идентификации,

<sup>1</sup> Понятие «пегий» в русский язык вошло от кочевников и до XX в. использовалось только как определение масти лошадей (саврасый, чалый и др.). «Пёстрым», «рябым» называли других животных [21. С. 20].

миграциях, взаимодействии социально-политических объединений алатов (см. подробнее об истории и сути дискуссии: 30, 31, 32, 33]).

Сравнительно недавно С.Г. Пархимович в комментариях к переизданию работы П.И. Буцинского дал своё объяснение понятия. Он считает Пегую Орду военно-политическим объединением, занимавшим территорию вдоль Оби от Бардакова княжества (район современного Сургута) до Нарыма, включая бассейны притоков Оби: Ваха, Васюгана, Тыма и Парабели [17. С. 315–316]. После поражения князька Вони селькупы Васюганско-Ваховского Приобья мигрировали на Таз и Турухан, а освободившийся район заняли ханты с рек Агана и Югана. Особое внимание учёный уделяет необычности названия этого военно-политического объединения. С его справедливой точки зрения, перевод Миллера «пеги телом» и близкие к нему последующая «цветовая» интерпретация малоубедительны. Вероятно, это словосочетание – русская адаптация «какого-то местного топонима» (точнее – ононима, так как далее речь у него идёт не о географических названиях. – Л.Ч.). Привлекая русско-хантыйский словарь М.А. Кастрена, автор предложил хантыйский вариант перевода: «пег» – чужой, другой, левый (с негативным оттенком), «орда» – ордем (урдем) – «делить». Таким образом, для хантов название «Пегая Орда» означало «чужая часть (сторона)» или «чужой народ» [17. С. 316]. Возможно, для хантов и могло существовать такое объяснение, но не для селькупов. В сохранившихся хантыйских преданиях о богатырях-предках дано другое пояснение: «Пегая Орда – это лесной народ. Вонт-лунк называется. В лесу жили, бабы за них замуж выходили. Красивый народ, большой, вроде дьяволов они» [34. С. 169].

Ответ на вопрос о происхождении названия самодийского народа селькупов надо искать в языке самого этноса, а не русских, хантов, тюрков, и посмотреть, не спровоцировало ли созвучие разноречных слов такую дискуссионную ситуацию. Лексема «Пегая» устойчиво переводится со всех селькупских диалектов как «лось», «сохатый». Мной просмотрено свыше десятка словарей, списков и именников нарымского и тазовского диалектов и отдельных локальных групп селькупов. Корневая основа везде одина за исключением частных говоров, на что указывала в своё время А.А. Ким [35. С. 162]. Тазовский диалект: «пякка» (pāqqu) [26. С. 22; 28. С. 32]. Нарымский диалект: «пёк» (pek), пāngы, пеккы, пекк и т.п. – во всех словарях [36; 27. С. 108; 29. С. 65; 37. С. 32]. В селькупской ономастике именем лось названы озёра: Пакъто, Пяку-то, Пакъл-то, реки: Пекет-

кык, Пенггайка, Пегельдеева протока и др. В документах с XVII в. встречаются имена Пега, Пегая, Пектур [РГАДА, 1639 г. по: 19. С. 65]. Фамильные антропонимы «Пегов», «Пегачины», «Пегучины» «Покатаев», «Покачевы» известны в Сургутско-Нарымско-Томском Приобье и среди баишинских селькупов [35. С. 162; 19. С. 65; 18. С. 160]<sup>1</sup>. Возможно, название «Пегой Орде» дал какой-то князёк по имени Пегая, но последнего, если он был, ещё предстоит найти.

Когда-то Лось, вероятно, считался родоначальником у некоторых селькупских родов. Население юрт Костенькиных, родовых фамилий Иткумовых и Сычиных до 1960-х гг. не ели лосиное мясо, и некоторые не охотились на лосей. Князёк 3-й Парабельской волости Кускончи подписывал документы в 1658 г. тамгой «лось» (РГАДА). Это прямой отголосок прежней принадлежности к роду Лося. Образ лося у селькупов имеет древнюю, устойчивую мифологию. С ним связывают смену природно-календарных явлений лета и зимы: в ночь новолуния в августе Лось приходит к реке и мочится в воду, она становится холодной, звери (медведь) уходят в зимнюю спячку, птицы улетаю на юг. У селькупов есть особый новогодний праздник – «Нун парагот» с различными обрядами. В заключение празднества мужчины разжигают костёр отдыха, он горит до появления Полярной звезды: «Зажглась звезда – наступает Новый Год» [38. С. 205–212].

Мифология гласит: не всякого лося можно убивать. Избранному Лося покровительствует бог неба Нум (Ном). С Лосем тесно связана Луна, которая в селькупской мифологии имела сугубо мужскую сущность. Лось выполнял роль медиатора в смене дня и ночи. Право нести месяц на лопатках своих рогов на землю и обратно имел только Священный (Большой) Лось, который олицетворял силу, мощь, ловкость, мгновенную реакцию на опасность со стороны злых сил. Космогоническая ипостась Лося особенно полно отразилась в мифе о небесной охоте на Священного Лося, где тот оказался неуязвимым для стрел охотников во главе с богатырём Ичей (вариант: Ича охотился один). Исход охоты породил образование созвездия Большой Медведицы, которое и есть Священный (Большой) Лось (Паккы, Пāңгый, Пōрыт [39. С. 237; 27. С. 83]). Звёзды рукояти ковша имитировали стрелы охотников. Звёздный след Иче, бежавшего на лыжах и пускавшего свои героические стрелы, олицетворял

<sup>1</sup> Благодарю С.М. Малиновскую и А.А. Ким-Малони за профессиональные консультации.

Млечный Путь. Лось-избранник обладает ещё одним сакральным качеством – даром перевоплощения, являющегося, по сути, архетипом в мифологии северной Евразии. У селькупов он мог уходить от преследования то птицей-орлом, то рыбой-осетром и неожиданно появиться, где ему удобно, чтобы наказать врага.

Образ Священного Лося органично входит в героическую мифологию. Культ героя в Среднем Приобье сложился ещё в кулайско-рёлкинское время (в пределах III в. до н.э. – VII в. н.э.), где образ лося<sup>1</sup> в изобразительной практике был ведущим [40, 41, 42, 43, 44]. Судя по археологическим источникам, прообраз селькупского Ичи (Ите) входит в ряд евразийских героев – пеших и всадников в боевом облачении [45]. Знаменатель-

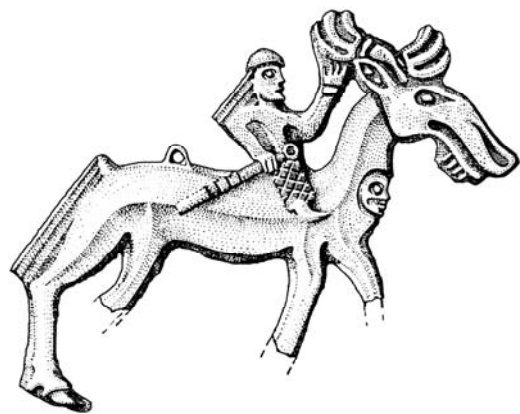


Рис. 1. Бронзовое изображение всадника-богатыря на священном лосе. VI–IX вв., рёлкинская культура. Рисунок Е.В. Шумковой [по: 46. С. 66]. Без масштаба

но, что рёлкинские богатыри далеко не всегда восседали на традиционной лошади, как правило, это были собирательные персонажи метонимического толка. Лошадь подменяли медведи, олени, лоси в зависимости от конкретных деяний мифологического персонажа или обстоятельств. От коня сохранялись отдельные детали: либо очертания фигуры или головы, либо хвост или грива. Наиболее показательна для нашей темы подвеска с изображением всадника на лосе с подвешенным конским хвостом<sup>2</sup> (рис. 1).

Вторая часть словосочетания – «Орда». В селькупском языке есть близкое для созвучного иноязычного (русского, тюрского, хантыйского)

восприятия слово «ора», «оралыгда» – «сила, горсть, кулак», «схватить» [36. С. 36; 27. С. 138; 19. С. 41], «орфэл», «орфел-куп», «орпсэё куп» – «силач, богатырь», «сильный человек» [39. С. 192; 29. С. 62, 64]. Взятые вместе, эти два слова дают название объединению Вони «Священного Лося богатыри» или шире и раньше «Большого Лося сильный народ».

XV–XVI вв. для селькупского населения Среднего Приобья были временем внутренней борьбы и постоянных столкновений с внешними врагами: с Тайбугинами и Шейбанидами Сибирского ханства, вылазками томских татар, кодскими хантами и, наконец, русской военной силой. Это предопределило необходимость укрепления военной мощи, «быть», по выражению Г.-Ф. Миллера, «в великой славе». Об этом свидетельствуют археологические источники Сургутско-Юганского и Нарымского Приобья: распространение высококачественного боевого и защитного вооружения (мечи, сабли, боевые стрелы, кольчуги, наборные панцири и т.д.), военных укреплений, культовых объектов. По ним реконструируется идеология, воспитывавшая боевой дух, воинское умение и воинскую славу. Любопытно, что в XVII в., когда появились волостные князьки, у некоторых тамгой служили лук и стрелы – наследие боевых времён. Символика должна отражать суть мировоззрения. У объединения, возглавляемого амбициозным князьком Воней, не желавшего подчиняться ни кодским, ни русским противникам, должно было быть звучное имя, способное объединять, вселять надежду, боевой дух, быть устрашающим для врага и, главное, должно было происходить из родных источников.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Вершинин Е.В., Шапков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // *Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее: Документы XVII века по истории Сургутского уезда* // *Материалы и исследования по истории Северо-Запада Сибири*. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 114–244.
2. Буцинский П.Н. К истории Сибири. Мангазея, Сургут, Нарым и Кеток (до 1645 г.): Соч. в 2 т. Т. 2. Тюмень, 1999 (переиздание трудов 1893 г.). 328 с.
3. Бахрушин С.В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. М., 1955. Т. III, ч. 1, 2. 375 с.
4. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVIII в. // *Труды Том. ун-та*. Т. 112. Сер. история. Томск, 1950. С. 23–210.
5. Шапков А.Т. Вассалы Москвы // *Очерки истории Коды*. Екатеринбург: Волот, 1995. С. 95–111.
6. *Летописи сибирские*. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 1991. 272 с.
7. Миллер Г.-Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998. Кн. 1. 416 с.

<sup>1</sup> Лоси – сохатые (самцы) и лосихи. В нашем случае речь идёт о сохатых. У лосих в мифологии свои функции и привилегии.

<sup>2</sup> Случайная находка: предположительно А.П. Дульзона, на Рёлке (Инвентарная книга ТОКМ, № 1204). В ряде публикаций ошибочно значится как «шутовская находка».

8. *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895.
9. *Наказ царя Фёдора Ивановича от 19 февраля 1594 г. о строительстве г. Сургута, Грамота от 31 августа 1596 г. об организации похода на Пегую Орду (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 7об. – 23об.), Наказ 31 января 1597 г. о необходимости похода на Пегую Орду (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 34–45об.).*
10. *Миллер Г.-Ф.* История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
11. *Castren M.A.* Wörterverzeichnis aus den Ostjakosamojedischen Sprachen. SPb., 1855. 404 s.
12. *Кастрен М.А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844 и 1845–1849) // *Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник.* Т. VI. Ч. 2. 1860. 495 с. (Об остяко-самоедах: С. 268–311).
13. *Прокофьева Е.Д.* Селькупы // *Народы Сибири.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 665–686.
14. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIII в. М., 1960. 623 с.
15. *Пелих Г.И.* Селькупы XVII в. (Очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 176 с.
16. *Вершинин Е.В.* Восстание Тоньи-Киномы в письменных и фольклорных источниках // *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири.* Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 98–113.
17. *Пархимович С.Г.* Комментарии // *К истории Сибири.* Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск (до 1645 г.): Соч. в 2 т. Т. 2: Тюмень, 1999 (переиздание трудов 1893 г.). С. 311–316.
18. *Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН, Студия «Граф», 2006. 351 с.
19. *Малиновская С.М.* Антропонимика в этнокультурном воспитании (на материалах антропонимов нарымских селькупов). Томск, 2007. 46 с.
20. *Головинёв А.В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. 606 с.
21. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Переиздание в 2 т. 4-томника оригинала. Тверь: Роса, Б.г. Т. 2.
22. *Плотников А.Ф.* Нарымский край. СПб., 1901., 381 с.
23. *Прыткова Н.Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // *Одежда народов Сибири.* Л., 1970. С. 3–99.
24. *Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю., Головинёв А.В., Байдак А.В., Максимова Н.П.* Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 318 с.
25. *Черемисина К.П.* О сакральности цвета в хантыйской культуре // *Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования.* Томск: ТПУ, 2008. С. 234–240.
26. *Nordselkupishhes Worterbuch von F.C. Mal'cev (1903) / Herausgegeben von E. Helimski und Ulrike Kahrs.* Hamburg, 2001. (Рукопись в НБ ТГУ: Словарь русско-остяцкий. Составил туруханский мещанин Фёдор Гаврилович Мальцев. Май, 1903 г.)
27. *Алатало Я.* Селькупский словарь кетских людей. Максимкин Яр; Хельсинки, 1998. 147 с.
28. *Казакевич О.А., Кузнецова А.И., Хелимский Е.А.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 2002. Т. 3.
29. *Быконя В.В.* Шарватплэнд шёшкой шэндсэ! Говори по-шёлкупски! Русско-селькупский разговорник. Томск, 1999. 111 с.
30. *Зуев Ю.А.* Из древнетюркской топонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо) // *Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР.* Алма-Ата, 1962. Т. 15. С. 103–122.
31. *Савинов Д.Г.* Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. 215 с.
32. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 346 с.
33. *Илюшин А.М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
34. *Мифы, предания, сказки хантов и манси.* М.: Изд-во восточной литературы, 1990. 568 с.
35. *Ким А.А.* Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. 219 с.
36. *Купер Ш., Пустай Я.* Селькупский разговорник (на-рымский диалект) // *Specimina Sibirica.* 1993. Т. III. 78 с.
37. *Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск: ТГПИ, 1994. 93 с.
38. *Ким А.А., Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А.* Селькупский праздник в пиль эд и культ Лося // *Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири.* Томск, 1996. С. 219–212.
39. *Мифология селькупов.* Томск, 2004. 380 с.
40. *Косарев М.Ф.* Древняя культура Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 216 с.
41. *Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
42. *Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
43. *Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
44. *Чиндина Л.А.* Изобразительная деятельность в кулайской культуре // *Очерки истории Томской культуры.* Томск: Рекламный дайджест, 2010. С. 10–16.
45. *Чиндина Л.А.* Изображения воинов из Среднего Приобья // *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.* Новосибирск: Наука, 1981. С. 87–97.
46. *Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В.* Очерки кулайского искусства. Новосибирск: Наука, 1991. 91 с.